

Капитан М.

Мягкая сила

Капитан М. Мягкая сила

<https://litres.ru/74559829>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семён по прозвищу Медведь — бывший боец смешанных единоборств, покинувший ринг после гибели соперника. Теперь он санитар в пансионате «Сосновая роща», где заботится о стариках. Когда застройщик решает снести здание и выселить жильцов, Семён встаёт на их защиту. Ему предстоит снова стать тем, кем он был, — и решить, что важнее: клятва больше не бить или долг перед теми, кто доверился ему.

Содержание

Глава 1. Тихий великан	4
Глава 2. Больничный лист	23
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Капитан М. Мягкая сила

Глава 1. Тихий великан

Утро в пансионате «Сосновая роща» начиналось не с крика петухов и не с звона будильников, а с протяжного, надсадного кашля, доносившегося из комнаты номер двенадцать. Этот звук, сухой и скрежещущий, будто кто-то волочил мешок с сухими костями по бетонному полу, был здесь привычной частью пейзажа, как скрип несмазанных петель или запах хлорки, смешанный с приторным ароматом овсяной каши.

Санитар по имени Семён, огромный мужчина сорока двух лет, ростом под два метра и весом в сто двадцать килограммов, стоял в коридоре и терпеливо ждал, пока приступ у старика по фамилии Грибков пройдёт. Семён был одет в просторный белый халат, который на его широких плечах казался тесной рубашонкой, и синие медицинские штаны, не скрывавшие бугрящихся мышц. Его лицо, крупное, с тяжелой челюстью и перебитым носом, хранило выражение спокойного, почти буддийского смирения. Только глаза — маленькие, глубоко посаженные, цвета мокрого асфальта — выдавали в нём человека, знавшего, что такое боль, и на-

учившегося с ней жить.

— Доброе утро, Пётр Ильич, — мягко, басом, от которого дрожали стёкла в дверных проёмах, произнёс Семён, когда кашель стих. — Пойдёмте умываться. Сегодня, кажется, будет солнце.

Из комнаты донёсся старческий, дребезжащий голос:

— Семёнушка, голубчик, а я, кажется, умираю.

— Не торопитесь, Пётр Ильич, — улыбнулся санитар, входя в палату. — Смерть — дама серьёзная, она сама за нами придёт, когда посчитает нужным. А пока давайте-ка умоемся и позавтракаем.

Палата номер двенадцать была маленькой, но чистой. Светло-зелёные стены, выцветшие от времени, две железные кровати с никелированными спинками, тумбочка с графином и горой лекарств. На стене висел выцветший коврик с оленями, а рядом — фотография молодого человека в военной форме с погонями. Пётр Ильич Грибков, восьмидесяти семи лет, ветеран труда, бывший слесарь-инструментальщик высшего разряда, лежал на кровати, укрытый до подбородка байковым одеялом. Его лицо, испещрённое морщинами, напоминало печёное яблоко, а руки, лежавшие поверх одеяла, были покрыты тёмными пятнами и узловатыми венами, но всё ещё сохраняли следы былой силы.

Семён подошёл к кровати, легко, словно пушинку, приподнял старика и усадил его, подложив под спину подушку. Движения его были плавными, выверенными, без малейшей

резкости. В прошлой жизни, до «Сосновой рощи», до того, как мир рухнул, Семён по прозвищу Медведь был бойцом смешанных единоборств, выступал в тяжёлом весе, нокаутировал соперников одним ударом и считался одним из самых перспективных тяжеловесов страны. Но это было давно. Сейчас его главным оружием были терпение, аккуратность и безграничное, почти нечеловеческое добродушие.

— Ну вот, — сказал Семён, поднося к лицу старика тазик с тёплой водой. — Сейчас мы с вами умоемся. Помните, как в молодости? Утром — холодная вода, чтобы взбодриться, а вечером — горячая, чтобы смыть усталость.

— В молодости, — прошамкал Пётр Ильич беззубым ртом, — я на заводе по двенадцать часов стоял. У станка. Ты знаешь, какой это был станок? Немецкий, трофейный. Точность — до микрона. Я на нём такие детали вытачивал, что сам главный конструктор приезжал смотреть.

— Знаю, Пётр Ильич, — кивнул Семён, осторожно протирая влажной тряпкой морщинистое лицо старика. — Вы мне уже рассказывали. И про станок, и про конструктора, и про то, как вы в шестьдесят восьмом году на выставке в Москве золотую медаль получили.

— Получил, — подтвердил старик, и в его выцветших глазах мелькнула искра гордости. — Есть у меня медаль. В тумбочке лежит. Ты её не трогай, Семён, она в коробочке, в бархате.

— Не трону, — пообещал санитар. — А сейчас давайте

руки помоем.

Он взял правую руку старика, бережно, как хрустальную вазу, опустил её в тёплую воду и начал медленно, круговыми движениями растирать пальцы, каждый сустав, каждую складку. Пётр Ильич зажмурился от удовольствия и тихо застонал.

— Хорошо-то как, — прошептал он. — Ты, Семён, руки золотые. Тебе бы врачом быть, а не санитаром.

— Я и есть врач, — усмехнулся Семён. — Только без диплома. Доктор по части спокойствия и хорошего настроения.

— А что же ты в больнице не работаешь? — не унимался старик. — Вон какой здоровый. Тебе бы вон в реанимации, тяжести поднимать.

Семён на мгновение замер. В его памяти, как вспышка, промелькнула сцена: ринг, залитый светом, рёв толпы, и лицо соперника, молодого, наглого, с татуировкой дракона на груди. А потом — глухой удар, и этот парень падает, падает, падает, и уже не встаёт. И тишина. Такая тишина, что закладывает уши.

— Не люблю больницы, — коротко ответил Семён и продолжил вытирать руки старика.

Он не любил вспоминать. Ни ринг, ни тот вечер, ни последовавшие за ним месяцы, когда он не мог спать, не мог есть, не мог смотреть на себя в зеркало. Тогда, после того боя, он ушёл из спорта. Не потому, что ему запретили, а потому, что понял: он больше не может бить людей. Даже на ринге, даже

по правилам. Каждый удар, который он наносил, отзывался в его собственной голове болью, и каждый нокдаун, который он отправлял соперника, ложился на его совесть тяжёлым камнем. Он продал квартиру в Москве, развёлся с женой, которая не выдержала его молчания, и уехал в этот тихий городок, где нашёл работу в доме престарелых. Здесь он мог быть полезен. Здесь он мог помогать, а не калечить.

— Ну вот, — сказал Семён, вытирая руки старика полотенцем. — Теперь чисто. Давайте одеваться.

Он помог Петру Ильичу надеть рубашку, жилет, натянул на его ноги тёплые носки и мягкие тапочки. Каждое движение было отработано до автоматизма, но при этом сохраняло какую-то трогательную нежность, будто Семён имел дело не со старым, больным человеком, а с ребёнком, которого нужно защитить от всего мира.

— Семён, — позвал старик, когда санитар уже направился к двери. — А правда, что наш пансионат закрывают?

Семён остановился. Вопрос был неожиданным, но не новым. В последние недели по коридорам «Сосновой рощи» ползли слухи. Говорили, что здание старое, что земля здесь дорогая, что какой-то застройщик хочет снести пансионат и построить на его месте элитный жилой комплекс. Говорили также, что к старикам уже приходили какие-то люди, разговаривали с директрисой, Марьей Степановной, и что она после этих разговоров ходила сама не своя, бледная и заплаканная.

— Не знаю, Пётр Ильич, — честно ответил Семён. — Но вы не волнуйтесь. Я вас в обиду не дам. Никому не позволю.

— Ты хороший человек, Семён, — тихо сказал старик. — Только знаешь, что я тебе скажу? Не бывает так, чтобы хорошим людям не мешали. За доброту всегда платить приходится.

Семён ничего не ответил. Он вышел в коридор и закрыл за собой дверь. В коридоре пахло лекарствами, вареной картошкой и старческим телом. Где-то в глубине здания, на кухне, гремела посудой повариха тётя Зина, а из радиоприёмника, стоявшего на посту медсестры, доносилась тихая музыка — вальс из старого фильма.

Семён прошёл по коридору, заглядывая в палаты. В комнате номер восемь спала баба Нюра, бывшая учительница русского языка, маленькая, сухонькая старушка, которая помнила наизусть всего Пушкина и любила читать вслух по вечерам. В комнате номер девять сидел на кровати Иван Петрович Кожемякин, бывший капитан дальнего плавания, огромный, седой, с лицом, обветренным морскими ветрами, и рассказывал сам себе истории о штормах и китах. В комнате номер десять, самой дальней, лежала парализованная Валентина Сергеевна, женщина, которая когда-то была знаменитой пианисткой, а теперь не могла пошевелить даже пальцем. Семён заходил к ней каждые два часа, переворачивал, делал массаж, чтобы не было пролежней, и просто сидел рядом, держа её за руку.

— Валентина Сергеевна, — сказал он, входя в палату. — Как вы сегодня? Спали?

Женщина не могла говорить, но её глаза, тёмные, глубокие, как колодцы, сказали всё за неё. Она смотрела на Семёна с благодарностью и какой-то тихой, безнадежной тоской.

— Ничего, — сказал Семён, присаживаясь на край кровати. — Сегодня солнце. Я вам обещаю, что сегодня будет хороший день.

Он взял её руку, безжизненную, тонкую, как веточка, и начал медленно разминать пальцы. Валентина Сергеевна закрыла глаза. По её щеке скатилась одинокая слеза.

Семён работал в «Сосновой роще» уже три года. За это время он похоронил шестерых своих подопечных. Он знал, что смерть — это часть его работы, такая же неизбежная, как восход солнца. Но каждый раз, когда кто-то уходил, он чувствовал, что из его души вырывают кусок. Он не показывал этого никому. Он просто продолжал работать. Потому что знал: если он сломается, этим старикам больше никому будет помочь.

В половине девятого Семён помог дойти до столовой Петру Ильичу, бабе Нюре и Ивану Петровичу. Столовая была большим светлым помещением с высокими потолками и длинными столами, накрытыми клеёнкой. За столами сидели старики, кто-то сам, кто-то с помощью санитаров. Пахло овсянкой, компотом и хлебом. Семён усадил своих подопечных, принёс им тарелки с кашей и стаканы с чаем.

— Семён, — позвала его медсестра Люба, молодая женщина с усталым лицом и добрыми глазами. — Тебя Марья Степановна ищет. В кабинет вызывает.

Семён кивнул. Он поставил перед Петром Ильичом тарелку и сказал:

— Ешьте, Пётр Ильич. Я скоро вернусь.

Кабинет директрисы находился на втором этаже, в конце длинного коридора. Семён поднялся по широкой лестнице, прошёл мимо стенда с фотографиями сотрудников и постучал в дверь с табличкой «Директор».

— Войдите, — раздался усталый женский голос.

Марья Степановна, женщина лет пятидесяти, с седыми волосами, убранными в пучок, и в очках на цепочке, сидела за столом, заваленным бумагами. Она выглядела измученной. Под глазами — тёмные круги, плечи опущены, пальцы нервно теребят край скатерти.

— Садись, Семён, — сказала она, указывая на стул.

Семён сел. Стул под его весом жалобно скрипнул.

— Что случилось, Марья Степановна?

Директриса сняла очки и протёрла глаза. Потом посмотрела на Семёна долгим, тяжёлым взглядом.

— Семён, — начала она, и голос её дрогнул. — Ты знаешь, что происходит.

— Догадываюсь, — ответил он.

— Сегодня утром мне позвонили, — продолжила Марья Степановна. — Из компании «СтройИнвест». Они...

они сделали официальное предложение. Они хотят выкупить здание. Под снос. На этом месте будет жилой комплекс.

Семён молчал. Он смотрел на директрису, и в его глазах не было ни удивления, ни страха. Только холодное, спокойное внимание.

— Я отказалась, — сказала Мария Степановна. — Я сказала, что мы не продаёмся. Что здесь живут люди. Что это их дом. Но они... они не отстанут. Они сказали, что приедут сегодня. Вечером. Поговорить. И что если я не соглашусь, то... то у нас будут проблемы.

— Какие проблемы? — ровно спросил Семён.

— Они не уточнили, — директриса всхлипнула. — Но я знаю таких людей, Семён. Они не остановятся. Они могут... они могут сделать что угодно. Поджечь, например. Или подослать кого-нибудь. Или просто вывезти стариков ночью и снести здание.

Семён медленно сжал кулаки. Его огромные руки, лежавшие на коленях, превратились в два булыжника. Но лицо осталось спокойным.

— Когда они приедут?

— В шесть вечера, — ответила Мария Степановна. — Семён, я не знаю, что делать. Полиция... полиция не поможет. У них всё схвачено. Может, нам стоит... стоит просто согласиться? Найти другое здание? Перевезти людей?

— Нет, — сказал Семён. — Не стоит.

— Но что мы можем сделать? — директриса посмотрела

на него с отчаянием. — Ты... ты же понимаешь, что это не просто коллекторы. Это серьёзные люди. У них деньги, связи. Они могут...

— Марья Степановна, — перебил её Семён. — Вы не волнуйтесь. Я разберусь.

— Ты? — директриса посмотрела на него с сомнением. — Семён, я знаю, что ты сильный. Но это не ринг. Это реальная жизнь. Они могут тебя убить.

Семён улыбнулся. Улыбка была странной — спокойной и немного печальной.

— Меня уже пытались убить, Марья Степановна. И не раз. Я всё ещё здесь.

Он встал. Стул с облегчением скрипнул.

— Я пойду. Нужно покормить стариков.

— Семён, — окликнула его директриса. — Что ты собираешься делать?

Он обернулся. В дверях, освещённый тусклым светом коридорной лампы, он казался ещё больше, ещё могущественнее. Его тень упала на пол, как тень медведя.

— Я собираюсь защитить свой дом, — сказал он. — И людей, которые в нём живут.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Марья Степановна осталась сидеть за столом, глядя на закрытую дверь. В её глазах был страх. Но где-то в глубине, под страхом, теплилась робкая надежда.

Семён спустился в столовую. Старики уже доедали кашу.

Пётр Ильич, увидев его, помахал рукой.

— Семён! Иди сюда! Тут Люба говорит, что на обед будут котлеты!

Семён подошёл и сел рядом. Он смотрел на этих стариков — беспомощных, слабых, но таких родных. На Петра Ильича, который когда-то был грозой завода. На бабу Ньюру, которая учила детей русскому языку и литературе. На Ивана Петровича, который ходил по морям и океанам. На Валентину Сергеевну, которая играла на рояле в консерватории. Все они были когда-то молодыми, сильными, полными жизни. А теперь они были здесь, в этом доме, который кто-то хотел отнять.

— Что-то ты задумчивый, Семён, — заметил Иван Петрович. — Случилось что?

— Нет, — ответил Семён. — Всё хорошо. Просто... просто думаю о том, как много вы все сделали в жизни.

— А, — махнул рукой старик. — Что толку вспоминать? Прошное — оно как вода. Утекла и всё.

— Не скажите, — возразил Семён. — Прошное — это фундамент. Без него не было бы настоящего.

Он помолчал, а потом добавил, тихо, почти про себя:

— И будущего.

После завтрака Семён помог старикам разойтись по палатам. Он делал всё как обычно: убирал посуду, протирал столы, разносил лекарства. Но в его движениях появилась какая-то новая, сосредоточенная чёткость. Он словно готовил-

ся к чему-то. К чему-то, что должно было произойти.

В коридоре он столкнулся с Любой.

— Семён, — сказала она тихо. — Ты слышал? Про кол-лекторов?

— Слышал.

— Что делать будем?

— Ничего, — ответил он. — Работать как обычно. И не волноваться.

— Как не волноваться? — всплеснула руками Люба. — Они же приедут! Они могут...

— Люба, — Семён положил свою огромную ладонь ей на плечо. — Я обещаю. Никто не пострадает. Ни один человек. Ты мне веришь?

Она посмотрела в его глаза. Спокойные, тёмные, глубокие. И вдруг поняла, что верит. Верит этому огромному человеку с перебитым носом и добрым сердцем. Верит больше, чем кому-либо в своей жизни.

— Верю, — сказала она.

— Тогда иди работай. И ни о чём не думай.

Он убрал руку и пошёл дальше по коридору. Люба смотрела ему вслед. Потом покачала головой и вернулась на пост.

Семён зашёл в кладовую. Это было небольшое помещение, заставленное швабрами, ведрами, моющими средствами. В углу стояли кислородные баллоны — тяжёлые, стальные, с вентилями. Семён посмотрел на них. В его голове, как вспышка, промелькнули картины прошлого: ринг, соперни-

ки, удары, броски, захваты. Всё то, что он так старательно забывал. И всё то, что теперь могло пригодиться.

Он провёл рукой по холодной поверхности баллона. Потом взял швабру, взвесил её в руке. Палка была лёгкой, неудобной. Не то что бейсбольная бита или лом. Но и она могла сгодиться.

— Прости меня, Господи, — прошептал Семён. — Я не хочу этого. Но я не могу иначе.

Он поставил швабру на место и вышел из кладовой. Время шло. До шести вечера оставалось ещё несколько часов. Семён знал, что эти часы нужно использовать с умом.

Он обошёл весь пансионат. Проверил каждую дверь, каждое окно. Заглянул в каждую палату. Он смотрел на стариков и мысленно составлял план. В его голове, как на шахматной доске, выстраивались фигуры: каталки, баллоны, шприцы, бигуди, стулья, столы. Всё то, что могло стать оружием. Всё то, что могло защитить.

В комнате Валентины Сергеевны он задержался дольше обычного. Женщина лежала неподвижно, глядя в потолок. Семён сел рядом и взял её за руку.

— Валентина Сергеевна, — сказал он тихо. — Сегодня вечером к нам приедут плохие люди. Они хотят нас выгнать. Но я не позволю. Слышите? Я не позволю.

Женщина моргнула. Её пальцы слабо сжали его руку.

— Я знаю, что вы меня понимаете, — продолжил Семён. — Вы всегда всё понимаете. Вы же музыкант. А музыканты

чувствуют больше, чем другие.

Он помолчал.

— Я хочу вам кое-что сказать. Когда-то я был бойцом. Я умел драться. Очень хорошо умел. Но потом я убил человека. На ринге. По правилам. Но всё равно убил. И я поклялся, что больше никогда не буду драться. Что буду только лечить. Только помогать.

Он посмотрел на её лицо. Глаза Валентины Сергеевны блеснули от слёз.

— Но сегодня, — сказал Семён, — я, наверное, нарушу свою клятву. Потому что есть вещи важнее клятв. Есть люди, которых нужно защищать. И если для этого мне придётся снова стать тем, кем я был... что ж. Значит, так надо.

Он осторожно отпустил её руку и встал.

— Отдыхайте, Валентина Сергеевна. Я приду вечером. Обещаю.

Он вышел из палаты. За окном, за занавесками, светило солнце. День клонился к вечеру. До прихода гостей оставалось всё меньше времени.

Семён вернулся в свою подсобку — маленькую комнатку рядом с постом медсестры, где он обычно отдыхал между сменами. Там стоял старый диван, тумбочка и шкаф с его вещами. Семён открыл шкаф и достал из дальнего угла спортивную сумку. В ней лежали старые бинты, перчатки для смешанных единоборств и фотография. На фотографии был он, молодой, счастливый, с чемпионским поясом на плече.

Рядом стояла женщина — его бывшая жена. Она улыбалась.

Семён долго смотрел на фотографию. Потом положил её обратно в сумку и застегнул молнию.

— Прости, — прошептал он. — Прости за всё.

Он сел на диван и закрыл глаза. В его памяти, одна за другой, проносились картины прошлого: тренировки, бои, победы, поражения. Он вспоминал удары, которые наносил, и удары, которые получал. Вспоминал боль, ярость, азарт. Вспоминал, как это — быть сильным. Быть опасным. Быть тем, кого боятся.

Это было давно. Но тело помнило. Мышцы помнили. И сейчас, когда над его домом нависла угроза, он снова чувствовал в себе эту силу. Тёмную, тяжёлую, но необходимую.

Он открыл глаза. В комнате было тихо. Только где-то вдалеке, в коридоре, тикали часы. Семён встал. Он принял решение.

В пять часов вечера он собрал всех санитаров и медсестёр в столовой. Их было пятеро: Люба, две санитарки — тётя Зина и тётя Валя, молодой санитар Артём и медбрат Сергей. Семён стоял перед ними, огромный, спокойный, уверенный.

— Слушайте меня внимательно, — сказал он. — Сегодня вечером сюда приедут люди. Они хотят нас выгнать. Они будут угрожать, может быть, даже применять силу. Я не хочу, чтобы кто-то из вас пострадал. Поэтому я прошу вас: когда они приедут, уведите всех стариков в дальнее крыло. В комнаты номер двадцать и двадцать один. Закройте двери. И не

выходите, что бы вы ни слышали.

— А ты? — спросила Люба.

— Я останусь здесь, — ответил Семён. — И поговорю с ними.

— Один? — ужаснулся Артём. — Семён, их же будет много!

— Не так много, как кажется, — улыбнулся Семён. — И потом, я не один. Со мной весь пансионат. Все эти коридоры, палаты, каталки, швабры. Всё это — моё оружие.

Он обвёл их взглядом.

— Вы мне верите?

Они молчали. Потом Люба сказала:

— Верим.

— Хорошо, — кивнул Семён. — Тогда идите. И помните: что бы ни случилось, не выходите. Это моя работа.

Они разошлись. Семён остался один в столовой. Он подошёл к окну и посмотрел на улицу. Двор пансионата был пуст. За забором, на дороге, показалась чёрная машина. За ней — вторая. Потом — микроавтобус.

— Ну вот и гости, — тихо сказал Семён.

Он размял пальцы. В его глазах загорелся холодный, спокойный огонь. Тот самый огонь, который когда-то зажигал трибуны. Только теперь он горел не для славы. Он горел для защиты.

Семён вышел из столовой и направился к главному входу. По пути он остановился у поста медсестры, взял со стола

металлический лоток для инструментов и взвесил его в руке. Лоток был тяжёлый, из нержавеющей стали. Семён улыбнулся и положил его обратно. Пока не время.

Он подошёл к входной двери и остановился. За дверью, на крыльце, уже слышались шаги. Тяжёлые, уверенные. Шаги людей, которые привыкли, что им всё позволено.

Семён положил руку на дверную ручку. Он чувствовал, как под его ладонью холодный металл. В его голове пронеслась последняя, ясная мысль: «Я не хотел этого. Но я сделаю это. Ради них».

И он открыл дверь.

На крыльце стояли четверо. Трое мужчин в чёрных куртках и один — в дорогом костюме, с гладко выбритым лицом и холодными, рыбьими глазами. За их спинами, у машин, маячили ещё двое.

— Здравствуйте, — сказал Семён. — Чем могу помочь?

Мужчина в костюме улыбнулся. Улыбка была неприятной, как у акулы.

— Мы к директору, — сказал он. — По делу.

— Директор занята, — ответил Семён. — Но я могу передать.

— Передай, что мы пришли за зданием, — мужчина перестал улыбаться. — И что мы не уйдём, пока не получим то, что хотим.

— Боюсь, что здание не продаётся, — сказал Семён. — И вам лучше уйти.

— Ты кто такой? — мужчина в костюме прищурился. — Санитар?

— Санитар, — кивнул Семён. — И я отвечаю за безопасность этого дома.

— За безопасность? — мужчина засмеялся. — Ты, здоровый бугай, отвечаешь за безопасность? Слушай, отойди в сторону, пока мы не сделали тебе больно.

Семён не двинулся с места. Он стоял в дверях, огромный, спокойный, как скала.

— Я не могу этого сделать, — сказал он. — Это мой дом. И дом этих людей. Уходите.

Мужчина в костюме вздохнул. Потом кивнул одному из своих людей. Тот, широкоплечий, с бритым затылком, шагнул вперёд и попытался оттолкнуть Семёна. Его рука, сильная, тренированная, упёрлась в грудь санитара. Но Семён даже не покачнулся. Он просто посмотрел на этого человека, и в его взгляде было что-то такое, отчего тот мгновенно отшатнулся.

— Я предупредил, — сказал Семён. — Уходите. Пока можете.

— Ты пожалеешь, — прошипел мужчина в костюме. — Ты не знаешь, с кем связался.

— Знаю, — ответил Семён. — Я связался с людьми, которых нужно защищать. А вы связались со мной.

Он закрыл дверь. Щёлкнул замок. На крыльце, за дверью, раздались крики и удары. Семён отступил на шаг. Он знал,

что дверь долго не выдержит. Но он был готов.

Он повернулся и посмотрел вглубь коридора. Там, в конце, у поста медсестры, стояла каталка. Рядом — кислородный баллон. Дальше — шкаф с бигуди, которые баба Нюра привезла из дома. И где-то там, в процедурной, лежали шприцы.

Семён глубоко вздохнул. В его памяти снова всплыли слова, которые ему когда-то сказал старый тренер: «Медведь, запомни. В бою нет правил. Есть только ты и твой дом. И если ты защищаешь свой дом, ты имеешь право на всё».

— Хорошо, — сказал Семён. — Начнём.

Он размял шею, хрустнув позвонками, и медленно пошёл по коридору навстречу звукам ломающейся двери. В его глазах горел тот самый огонь. Огонь, который когда-то делал его непобедимым. Огонь, который теперь должен был спасти этот дом.

.

Глава 2. Больничный лист

Дверь главного входа не выдержала долго. Семён услышал, как хрустнуло дерево, как жалобно звякнула отлетевшая ручка, как с грохотом упала на пол металлическая щеколда. Ещё мгновение — и в коридор, освещённый тусклыми лампами дневного света, ввалились трое. Четвёртый, тот самый мужчина в дорогом костюме, остался на крыльце, предусмотрительно держась позади. Семён отметил это краем сознания: главный не полезет в драку сам. Он будет стоять в стороне и смотреть. Ну что ж. Пусть смотрит.

Первым в коридор шагнул широкоплечий бритый мужчина, тот самый, что пытался оттолкнуть Семёна на крыльце. За ним — двое других: один худой и жилистый, с длинными руками и бегающими глазами, второй — коренастый, с бычьей шеей и наглым, самоуверенным лицом. Все трое были в чёрных куртках, чёрных ботинках и перчатках без пальцев. Профессионалы. Или, по крайней мере, те, кто считал себя профессионалами.

— Ну что, санитар, — сказал бритый, оглядываясь по сторонам. — Где твои старики? Прячешь?

Семён стоял в десяти метрах от них, посреди коридора. Он не двинулся с места, когда они вошли. Он просто стоял и смотрел. Его огромные руки были опущены вдоль тела, плечи расслаблены, дыхание ровное. Со стороны могло по-

казаться, что он сдался. Но это было не так. Семён ждал.

— Я попросил вас уйти, — сказал он спокойно. — Вы не послушали.

— Ты нам не указ, — осклабился коренастый. — Мы приехали по делу. И пока это дело не сделаем, никуда не уйдём.

— Какое у вас дело? — спросил Семён.

— Здание, — ответил бритый. — Мы его покупаем. А вы все — выметайтесь. Живо.

— Здание не продаётся, — сказал Семён. — Здесь живут люди. Пожилые, больные. Они не могут просто встать и уйти.

— Нас это не волнует, — бритый шагнул вперёд. — Нас вообще ничего не волнует, кроме денег. И ты нас не остановишь. Ты один, а нас четверо. Плюс те, что на улице. Так что будь умным мальчиком, отойди в сторону.

Семён не отошёл. Он стоял, как вкопанный, и смотрел на бритого. В его глазах не было ни страха, ни злости. Только спокойная, твёрдая решимость.

— Я не могу этого сделать, — сказал он. — Это мой дом. И я буду его защищать.

Бритый засмеялся. Смех был коротким, злым, безрадостным.

— Защищать? Ты? Санитар? — он обернулся к своим спутникам. — Слышали? Он будет защищать.

Жилистый и коренастый заржали. Их смех эхом разнёсся по пустому коридору, отразился от стен, от высоких потолков. Где-то в глубине здания, за закрытыми дверями, стари-

ки, наверное, слышали этот смех. Семён надеялся, что они не испугаются. Он надеялся, что они верят ему.

— Ладно, хватит болтать, — бритый перестал смеяться. — Вали его.

Коренастый шагнул вперёд. Он был короче Семёна на голову, но шире в плечах. Его кулаки, обтянутые перчатками без пальцев, были размером с детские головы. Он размял шею, хрустнув позвонками, и пошёл на Семёна, уверенный, что справится с этим огромным, но медлительным санитаром за пару секунд.

Семён не двинулся с места. Он ждал, пока коренастый подойдёт ближе. Шаг. Ещё шаг. Ещё. Когда между ними осталось меньше метра, коренастый замахнулся. Его правый кулак, тяжёлый, как молот, пошёл в лицо Семёна. Это был хороший удар. Сильный, быстрый, поставленный. В прошлой жизни такой удар отправил бы в нокаут любого соперника.

Но Семён не был обычным соперником. Он видел этот удар ещё до того, как коренастый начал движение. Он читал тело противника, как открытую книгу: перенос веса на левую ногу, поворот корпуса, замах. Всё это заняло доли секунды. И за эти доли секунды Семён сделал шаг в сторону.

Кулак коренастого рассек воздух там, где мгновение назад была голова Семёна. Коренастый, не ожидавший промаха, потерял равновесие. Его понесло вперёд, и Семён воспользовался этим. Он не стал бить. Вместо этого он подставил подножку — простую, но эффективную. Коренастый споткнулся.

ся, взмахнул руками, пытаюсь удержаться, и рухнул лицом вниз на кафельный пол. Раздался глухой удар, хруст сломанного носа, и стон.

— Ах ты! — жилистый бросился вперёд, размахивая руками. Он был быстрее коренастого, но менее предсказуемым. Его удары сыпались градом: в голову, в корпус, в плечи. Семён блокировал их предплечьями, принимая каждый удар на мышцы, а не на кости. Он отступал, но не хаотично, а по заранее выбранной траектории. Он вёл жилистого туда, куда нужно было.

Они оказались у поста медсестры. На столе лежали бумаги, стоял графин с водой, лежал металлический лоток для инструментов. Семён, продолжая блокировать удары, протянул руку и схватил лоток. Жилистый замахнулся для нового удара, но не успел. Семён резко, без замаха, ткнул его лотком в лицо. Металл звякнул о зубы, брызнула кровь. Жилистый отшатнулся, схватился за разбитый рот, и в этот момент Семён ударил его ногой в живот. Не сильно, ровно настолько, чтобы выбить воздух. Жилистый согнулся пополам, хватая ртом воздух, и Семён добавил ему локтем по затылку. Жилистый рухнул на пол, рядом с коренастым.

Бритый, наблюдавший за этим, изменился в лице. Он не ожидал такого. Он думал, что имеет дело с обычным санитаром, пусть и большим. Но то, что он увидел, говорило об обратном. Этот человек умел драться. Очень хорошо умел. Бритый был профессионалом. Он видел, как двигается Се-

мён, как он читает противника, как использует окружение. Это была школа. Хорошая школа.

— Ты кто такой? — спросил бритый, отступая на шаг. — Ты не санитар.

— Я санитар, — ответил Семён, вытирая лоток о халат. — Просто раньше я работал в другом месте.

— Где?

— На ринге.

Бритый побледнел. Он понял. Он вспомнил. Много лет назад он смотрел бои. Смотрел, как огромный медведь по прозвищу Медведь нокаутирует соперников одного за другим. Он помнил этот взгляд. Спокойный, пустой, страшный. Тот самый взгляд.

— Ты... — прошептал бритый. — Ты тот самый Медведь? Который...

— Который ушёл, — закончил Семён. — Да. Это я. И я прошу тебя. Уходи. Забирай своих людей и уходи. Пока я ещё прошу.

Бритый колебался. Он смотрел на Семёна, на двух своих людей, лежащих на полу, на кровь, капающую из разбитого рта жилистого. Он понимал, что если останется, то проиграет. Но он также понимал, что если уйдёт, то его босс, тот самый человек в костюме, который ждал на улице, не поймёт. И тогда будут проблемы. Серьёзные проблемы.

— Я не могу уйти, — сказал бритый. — Мне приказали.

— Кто приказал? — спросил Семён.

— Ты его не знаешь. И не узнаешь. Потому что он тебя раздавит. Он раздавит всех вас. Он не остановится.

— Тогда мне придётся остановить его, — сказал Семён.
— Но сначала — тебя.

Бритый понял, что разговоры закончились. Он был крупным, сильным, тренированным. Он занимался боксом, кик-боксингом, рукопашным боем. Он не был бойцом мирового уровня, но он был опасен. И он знал это. Он бросился на Семёна, целясь в корпус. Он хотел сбить его с ног, повалить, использовать свою массу. Но Семён был тяжелее. И опытнее.

Он встретил бритого ударом колена в грудь. Бритый захрипел, но не остановился. Он обхватил Семёна руками, пытаясь повалить. Семён позволил ему приблизиться, а потом резко присел, уходя из захвата, и, оказавшись позади бритого, толкнул его в спину. Бритый полетел вперёд, споткнулся о лежащего коренастого и упал, растянувшись на полу.

Семён не стал добивать. Он стоял и смотрел, как бритый поднимается. Тот поднялся на колени, тяжело дыша. Его лицо было в крови — он разбил губу при падении.

— Хватит, — сказал Семён. — Ты проиграл. Уходи.

— Я не могу, — прошептал бритый, и в его голосе была почти мольба. — Ты не понимаешь. Если я уйду, он меня убьёт.

— Кто он? — снова спросил Семён.

— Человек, который хочет это здание. Он... он не просто застройщик. Он... — бритый замолчал, словно не решаясь

произнести имя. — Он опасен. Очень опасен. У него связи. Полиция, суды, бандиты. Всё куплено. Ты не сможешь с ним бороться.

— Я не собираюсь с ним бороться, — сказал Семён. — Я просто не позволю ему забрать этот дом.

Бритый посмотрел на него. В его глазах было что-то похожее на уважение. Или на страх. Или на то и другое вместе.

— Ты сумасшедший, — сказал он. — Или святой. Или и то, и другое.

— Я санитар, — улыбнулся Семён. — Просто санитар, который любит свою работу.

В этот момент из глубины коридора, из дальнего крыла, где были комнаты двадцать и двадцать один, донёсся крик. Женский. Это был голос Любы. Семён мгновенно напрягся. Он обернулся, и в этот момент бритый, воспользовавшись заминкой, вскочил и бросился на него. Но Семён был готов. Он даже не стал бить. Он просто поймал бритого за руку, крутанул, используя его же инерцию, и отправил в стену. Бритый ударился плечом о выключатель, свет на мгновение мигнул, и он сполз на пол, оседая, как мешок с песком.

Семён больше не смотрел на него. Он побежал. Бежал по коридору, мимо поста медсестры, мимо палат, мимо лестницы. Его огромные ноги, обутые в мягкие медицинские тапочки, почти не производили шума. Он бежал быстро, очень быстро для человека его комплекции. Он бежал, потому что слышал крик Любы. И этот крик означал, что кто-то из кол-

лекторов добрался до стариков.

Он свернул за угол и увидел картину, от которой его сердце сжалось. В конце коридора, у дверей комнат двадцать и двадцать один, стояли двое. Один — тот самый худой и жилистый, которого Семён уже вырубил, но который, видимо, очнулся и пошёл дальше. Второй — ещё один, из тех, что были на улице. Они держали Любу, заломив ей руки за спину. Люба кричала и пыталась вырваться. А перед ними, закрывая собой дверь в комнату со стариками, стоял Артём, молодой санитар. Его лицо было бледным, руки дрожали, но он не отступал.

— Не пушу, — говорил Артём, и голос его срывался. — Не пушу, слышите? Там старики!

— Отойди, пацан, — сказал жилистый, вытирая разбитый рот. — Пока цел.

— Не отойду!

Жилистый шагнул вперёд и ударил Артёма в лицо. Молодой санитар отлетел к стене, ударился головой и сполз на пол. Люба закричала снова. Жилистый отпустил её, и она бросилась к Артёму.

— Артём! Артём, ты меня слышишь?

Жилистый тем временем повернулся к двери. Он положил руку на ручку.

— Ну что, дедушки-бабушки, — сказал он с усмешкой. — Выходите. Поговорить надо.

Семён в этот момент был уже в двадцати метрах от них.

Он не кричал. Он не предупреждал. Он просто набрал скорость. Его тело, помнящее тысячи часов тренировок, работало как отлаженный механизм. Он бежал, и пол под его ногами гудел.

Жилистый услышал шаги. Он обернулся. И увидел, как на него несётся огромная фигура в белом халате. Он не успел даже поднять руки. Семён врезался в него, как таран. Удар был такой силы, что жилистый отлетел на несколько метров, снёс спиной дверь в комнату двадцать один и рухнул на пол внутри, среди перепуганных стариков.

Семён остановился. Он тяжело дышал. В комнате двадцать один, куда влетел жилистый, находились баба Нюра, Иван Петрович и ещё трое стариков. Они сбились в угол, испуганные, дрожащие. Жилистый лежал на полу, не двигаясь. Он был без сознания.

— Семён! — крикнула баба Нюра. — Семёнушка! Что происходит?

— Всё хорошо, — сказал Семён, стараясь говорить спокойно. — Всё хорошо. Я здесь. Никто вас не обидит.

Он обернулся. Второй коллектор, тот, что был на улице, стоял в конце коридора. Он видел, что произошло с его товарищем. Он видел Семёна. И он видел, что против него у него нет шансов. Он повернулся и побегал. Семён не стал его догонять. Пусть бежит. Пусть расскажет своему боссу, что здесь их ждут. Пусть расскажет всем.

Он подошёл к Артёму, который уже приходил в себя. Лю-

ба поддерживала его голову.

— Артём, — сказал Семён, присаживаясь рядом. — Как ты?

— Нормально, — прошептал Артём, морщась от боли. — Голова только... кружится.

— Это пройдёт. Ты молодец. Ты их задержал.

— Я... я испугался.

— И правильно, что испугался. Смелость — это не отсутствие страха. Это когда страшно, но всё равно делаешь. Ты сделал. Ты защитил стариков.

Артём слабо улыбнулся. Семён помог ему встать. Потом обернулся к Любе.

— Люба, уведи его на пост. И оставайся там. Я скоро приду.

— А ты? — спросила она.

— А я пойду поговорю с их главным. Тот, что в костюме, всё ещё на улице.

— Семён, — Люба схватила его за руку. — Будь осторожен. Пожалуйста.

— Буду, — пообещал он. — Я всегда осторожен.

Он вышел из коридора и направился к главному входу. По пути он заглянул в комнату двадцать, где тоже были старики. С ними всё было в порядке. Он заглянул в палату Валентины Сергеевны. Женщина лежала неподвижно, но её глаза были открыты. Она смотрела на дверь, и когда Семён вошёл, в её взгляде мелькнуло облегчение.

— Всё хорошо, Валентина Сергеевна, — сказал он. — Плохие люди уходят. Я же обещал.

Она моргнула. Семён вышел и направился дальше.

На крыльце, у машин, его ждали. Мужчина в костюме стоял, скрестив руки на груди. Рядом с ним — двое охранников, которых Семён ещё не видел. Те самые, что были у машин. Они были крупнее и серьёзнее тех, что входили в здание. Одного взгляда на них хватало, чтобы понять: это не просто вышибалы. Это бойцы. Настоящие.

— Ну что, — сказал мужчина в костюме, когда Семён вышел на крыльцо. — Мои люди вернулись не все. Я так понимаю, ты их задержал.

— Они сами себя задержали, — ответил Семён. — Я просто помог.

— Ты понимаешь, что натворил? — мужчина улыбнулся, но улыбка была холодной. — Ты напал на моих сотрудников. Это статья. Я могу вызвать полицию, и тебя посадят.

— Вызывайте, — сказал Семён. — Только сначала объясните полиции, что вы делали в частном учреждении, куда вас не приглашали. И что ваши сотрудники применяли силу к пожилым людям. Думаю, полиции это будет интересно.

Улыбка мужчины погасла. Он понял, что этот санитар не так прост. Он не боится. И он знает, что делает.

— Ладно, — сказал мужчина. — Давай поговорим по-другому. Я предлагаю тебе работу. Хорошую работу. В моей компании. Охрана. Платят много. Ты сильный, ты умеешь

драться. Такие люди мне нужны.

— У меня есть работа, — ответил Семён. — И я её люблю.

— Ты любишь выносить судна и мыть полы? — мужчина усмехнулся. — Серьёзно?

— Я люблю помогать людям, — сказал Семён. — А вы, судя по всему, только разрушаете. Так что нет. Я не пойду к вам работать.

— Тогда ты пожалеешь, — мужчина шагнул вперёд, и его голос стал тихим, угрожающим. — Ты не знаешь, кто я. Ты не знаешь, на что я способен. Это здание будет моим. Рано или поздно. А ты... ты просто исчезнешь. Как будто тебя и не было.

— Я не боюсь вас, — сказал Семён. — Я боюсь только одного: что не смогу защитить тех, кто мне доверился. А вы... вы не стоите страха.

Мужчина смотрел на него долгим, немигающим взглядом. Потом кивнул.

— Хорошо. Ты сделал свой выбор. Я сделаю свой.

Он повернулся и пошёл к машине. Один из охранников открыл ему дверь. Мужчина сел в чёрный автомобиль, и машина медленно выехала со двора. За ней последовали вторая машина и микроавтобус.

Семён стоял на крыльце и смотрел им вслед. Он знал, что это не конец. Это только начало. Мужчина в костюме вернётся. Он не отступится. Но Семён тоже не отступится. Он будет стоять до конца.

Он вернулся в здание. В коридоре его встретила Люба.

— Уехали? — спросила она.

— Уехали, — кивнул Семён. — Пока.

— Что значит «пока»?

— Значит, что они вернутся. Но мы будем готовы.

Он прошёл в столовую. Там уже собрались все санитары и медсёстры. Они смотрели на него с надеждой и страхом. Семён улыбнулся.

— Всё хорошо, — сказал он. — Старики в безопасности. Никто не пострадал.

— А ты? — спросила тётя Зина.

Семён посмотрел на свои руки. На костяшках правой руки была ссадина. Он даже не заметил, когда её получил.

— Ерунда, — сказал он. — Заживёт.

Он сел на стул, и стул жалобно скрипнул под его весом. Люба принесла ему стакан чая. Он взял его, отпил глоток и закрыл глаза. В его голове всё ещё звучали слова мужчины в костюме: «Ты не знаешь, на что я способен».

Семён знал. Он видел таких людей. Он дрался с такими на ринге. И не только на ринге. Он знал, что этот человек не остановится. Он будет давить, угрожать, подкупать, запугивать. Он будет использовать всё своё влияние, все свои связи. Он будет пытаться уничтожить Семёна и всех, кто ему дорог.

Но Семён был готов. Он знал, что не сможет победить в одиночку. Ему нужны были союзники. И он знал, где их ис-

кать.

Вечером, когда старики уже спали, а в коридорах погасили свет, Семён сидел в своей подсобке. Перед ним на столе лежал старый блокнот и ручка. Он писал список. В список входили имена. Иван Петрович Кожемякин, бывший капитан дальнего плавания. Баба Нюра, учительница. Валентина Сергеевна, пианистка. Пётр Ильич, слесарь. Все они были когда-то сильными, уважаемыми людьми. У всех были семьи, друзья, знакомые. У всех была жизнь до того, как они оказались здесь.

Семён знал, что у Петра Ильича был сын. Полковник в отставке. Жил где-то в Москве. У Валентины Сергеевны была дочь, которая работала в администрации города. У Ивана Петровича был племянник, который служил в полиции. Семён не хотел втягивать их в это. Но он понимал, что в одиночку ему не справиться. Ему нужна была помощь. И не только физическая.

Он отложил ручку и посмотрел в окно. На улице было темно. Только фонарь у ворот отбрасывал жёлтый круг света на асфальт. Где-то вдалеке проехала машина, и её фары на мгновение осветили комнату.

Семён встал. Он подошёл к шкафу, открыл его и достал старую спортивную сумку. В ней, на самом дне, лежал телефон. Старый, кнопочный, который он не включал уже несколько лет. Он взял его, вставил зарядку и нажал кнопку включения. Экран засветился. Телефон ожил, и на нём по-

явились пропущенные вызовы и сообщения. Семён пролистал их. Большинство были старыми, ненужными. Но одно сообщение привлекло его внимание. Оно было от человека по имени Виктор. Виктор был его старым другом, тренером, человеком, который когда-то верил в него. Сообщение было коротким: «Если понадобится — звони».

Семён смотрел на экран телефона. Потом нажал «позвонить». Гудки шли долго. Наконец на другом конце ответили.

— Алло? — голос был хриплым, сонным.

— Виктор, — сказал Семён. — Это я. Медведь.

На том конце повисла тишина. Потом голос, уже совсем другой, бодрый и взволнованный:

— Семён? Ты? Господи, сколько лет! Ты где? Что случилось?

— Случилось, — ответил Семён. — Мне нужна твоя помощь. И не только твоя.

— Говори.

Семён вздохнул. Он смотрел в окно, на тёмную улицу, и чувствовал, как в его груди поднимается что-то большое, тяжёлое, но в то же время светлое. Что-то, что он не чувствовал уже давно. Уверенность. Решимость. И надежда.

— Я расскажу, — сказал он. — Но это долгий разговор.

— У меня время есть, — ответил Виктор. — Говори.

И Семён начал рассказывать. О пансионате, о стариках, о коллекторах, о мужчине в костюме. Он говорил тихо, но чётко. Он говорил, и чувствовал, как с каждым словом его

реши́мость кре́пнет. Он знал, что это только начало. Он знал, что впереди будут трудные дни. Но он также знал, что не один. У него были друзья. У него были старики, которых нужно защищать. И у него была сила. Не только физическая. Сила духа, которая когда-то сделала его чемпионом. И которая теперь поможет ему стать защитником.

Он закончил рассказ и услышал на другом конце провода долгий вздох.

— Я понял, — сказал Виктор. — Я приеду. Завтра. И не один. У меня есть ребята, которые помогут.

— Спасибо, — сказал Семён.

— Не благодари. Ты мой друг. И ты делаешь правильное дело. А таких людей, как ты, мало. Очень мало.

Семён отключил телефон и положил его на стол. Он снова посмотрел в окно. На улице по-прежнему было темно. Но где-то там, за горизонтом, уже занимался рассвет. Новый день. Новый бой. И Семён был готов к нему.

Он лёг на диван, не раздеваясь. Он знал, что нужно поспать. Хотя бы несколько часов. Завтра будет тяжёлый день. Завтра приедет Виктор. Завтра начнётся настоящая война. Но сегодня он сделал то, что должен был сделать. Он защитил свой дом. И он был готов защищать его снова.

Он закрыл глаза. В его голове всё ещё звучали голоса стариков, смех бабы Нюры, шёпот Валентины Сергеевны. Он думал о них. Обо всех. О каждом. И он знал, что не подведёт их.

За окном медленно светлело небо. Где-то пропел петух. Начинался новый день.

Семён спал. И во сне он снова был на ринге. Но на этот раз он дрался не за пояс. Он дрался за тех, кто не мог драться сам. И это было важнее любой победы. Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Семён открыл глаза и увидел Любу. Её лицо было бледным, глаза расширены.

— Семён, — прошептала она. — Там... там машины. Много машин. Они вернулись.

Семён сел на диване. За окном было серое, пасмурное утро. Он взглянул на часы — половина седьмого. Он спал меньше четырёх часов, но чувствовал себя бодрым. Тело, привыкшее к нагрузкам, не подводило.

— Сколько машин? — спросил он, натягивая тапочки.

— Три. Или четыре. Я не считала. Они стоят у ворот. Никто не выходит.

Семён подошёл к окну. Действительно, у ворот пансионата стояли три чёрных внедорожника. Моторы работали, из выхлопных труб шёл пар. Стеклопакеты тонированные окна ничего не выдавали. Но Семён чувствовал: там, внутри, сидят люди. И эти люди ждут.

— Разбуди Артёма, — сказал Семён. — И Сергея. Пусть соберутся в столовой. Тихо, чтобы старики не проснулись раньше времени.

— А ты?

— Я пойду встречу гостей.

Люба схватила его за руку.

— Семён, их много. Может, вызвать полицию?

— Полиция приедет, — сказал Семён. — Но не раньше, чем через час. А эти люди могут начать действовать раньше. Иди. Буди ребят.

Люба убежала. Семён накинул халат, сунул ноги в тапочки и вышел в коридор. Он прошёл через холл, мимо поста медсестры, где на столе лежал журнал дежурств и стоял телефон. Он остановился, снял трубку и набрал номер полиции. Гудки шли долго, потом женский голос ответил:

— Дежурная часть.

— Здравствуйте, — сказал Семён спокойно. — Пансионат «Сосновая роща». К нам приехали неизвестные лица. Угрожают сотрудникам и постояльцам. Прошу прислать наряд.

— Ваш адрес?

Семён назвал адрес. Дежурная пообещала передать вызов. Семён положил трубку. Он знал, что это может не помочь. Но он должен был попробовать.

Он подошёл к главному входу. Дверь, сломанная вчера, была наспех прикрыта — Артём с Сергеем вчера вечером приладили её на петли и подпёрли стулом. Семён убрал стул, открыл дверь и вышел на крыльцо.

Утро было холодным. Над землёй стелился туман, пахло сыростью и мокрым асфальтом. Семён стоял на крыльце, огромный, в белом халате, и смотрел на машины. Он не приближался. Он ждал.

Дверь первого внедорожника открылась. Из неё вышел мужчина. Не тот, что был вчера в костюме. Этот был одет проще: чёрная куртка, джинсы, тяжёлые ботинки. Но было в нём что-то, что заставило Семёна напрячься. Этот человек двигался иначе. Плавно, уверенно, экономно. Так двигаются люди, которые привыкли драться. Не на ринге, где есть правила. А в жизни, где правил нет.

Мужчина подошёл к крыльцу и остановился в трёх метрах от Семёна. Он был ниже Семёна на полголовы, но шире в кости. Его лицо пересекал старый шрам — от левого виска до подбородка. Глаза были светлые, почти прозрачные, и смотрели спокойно, без злобы. Это было хуже, чем злоба. Равнодушие.

— Ты санитар? — спросил мужчина. Голос был низкий, хриплый.

— Санитар, — кивнул Семён.

— Вчера ты покалечил троих моих людей.

— Они сами себя покалечили. Я только помог.

Мужчина усмехнулся. Усмешка была короткой, без эмоций.

— Мне сказали, ты бывший боец. Медведь. Я слышал о тебе. Ты был хорош.

— Был, — согласился Семён.

— А сейчас? Сейчас ты тоже хорош?

— Сейчас я санитар. И я защищаю этот дом.

Мужчина посмотрел на пансионат. Потом снова на Семёна.

на.

— Меня зовут неважно. Важно то, что я здесь по делу. Здание должно быть освобождено. Сегодня. К вечеру здесь не должно быть ни одного человека. Ни стариков, ни сотрудников. Всё понял?

— Я понял, — сказал Семён. — Но я не согласен.

— Твоё согласие никого не интересует, — мужчина шагнул ближе. — У меня приказ. И я его выполню. Если ты встанешь на пути, я тебя уберу. Не потому что хочу. А потому что должен.

Семён смотрел на него. Внутри у него всё сжалось. Он видел перед собой не просто бандита. Он видел профессионала. Такого же, как он сам когда-то. Человека, который умеет убивать и не чувствует при этом ничего. И этот человек не блефовал. Он действительно уберёт всех, кто встанет на пути.

— Я не могу позволить вам этого сделать, — сказал Семён тихо. — Здесь живут люди. Они никому не сделали зла. Они просто хотят дожить свой век спокойно.

— Мне их жаль, — сказал мужчина, и в его голосе не было ни капли жалости. — Правда. Но у меня своя работа. И я её сделаю.

Он повернулся и пошёл к машине. У самой двери он остановился и обернулся.

— У тебя есть время до шести вечера. Потом мы войдём. И тогда уже никто никого жалеть не будет.

Он сел в машину. Дверь захлопнулась. Мотор взревел, и внедорожники один за другим выехали со двора, увозя своих пассажиров.

Семён стоял на крыльце, пока последняя машина не скрылась за поворотом. Потом он вернулся в здание. В столовой его ждали Люба, Артём и Сергей. Они сидели за столом, бледные, испуганные.

— Что они сказали? — спросила Люба.

— У нас есть время до шести вечера, — ответил Семён.

— Они вернутся. С людьми. Много людей.

— Что мы будем делать? — Артём сжал кулаки. — Мы не можем просто ждать.

— Не будем, — сказал Семён. — Я уже позвонил другу. Он приедет. И не один.

— Кто он?

— Мой бывший тренер. Виктор. Он знает людей. Хороших людей. Они помогут.

— А если не успеют? — тихо спросила Люба.

Семён посмотрел на неё. Потом на Артёма. На Сергея. Он видел в их глазах страх. И он понимал этот страх. Он сам боялся. Но он не мог позволить страху управлять собой.

— Успеют, — сказал он. — А пока мы будем готовиться.

Он вышел из столовой. В коридоре он столкнулся с Петром Ильичом. Старик стоял, опираясь на палку. Он был одет в свой выходной пиджак с медалями. Медали блестели на утреннем свете.

— Семён, — сказал Пётр Ильич. — Я слышал машины. Опять эти?

— Они, — ответил Семён. — Но вы не волнуйтесь. Я разберусь.

— Я не волнуюсь, — сказал старик. — Я знаю, ты нас защитишь. Но я хочу тебе кое-что сказать.

— Что?

— Мы с ребятами поговорили. Баба Нюра, Иван Петрович, Валентина Сергеевна — все. Мы хотим помочь.

Семён удивлённо посмотрел на него.

— Как помочь? Пётр Ильич, вы же...

— Что, старый? — старик усмехнулся. — Я старый, да. Но не беспомощный. Я всю жизнь работал руками. Иван Петрович за штурвалом стоял. Баба Нюра детей учила. Мы не хотим сидеть и ждать, пока нас выкинут на улицу. Мы хотим бороться. Хоть чем-то.

Семён молчал. Он смотрел на этого старого человека, сгорбленного, с трясущимися руками. И он видел в его глазах ту же решимость, которая была у него самого. Ту же готовность бороться до конца.

— Хорошо, — сказал Семён. — Тогда слушайте. Мне нужны люди, которые знают здание. Все входы и выходы. Все подвалы и чердаки. Вы знаете?

— Знаем, — кивнул Пётр Ильич. — Иван Петрович знает каждый угол. Он тут дольше всех.

— Тогда соберите всех, кто может ходить, в столовой че-

рез полчаса. Я расскажу, что мы будем делать.

Пётр Ильич кивнул и пошёл по коридору, стуча палкой по полу. Семён смотрел ему вслед. В его груди что-то дрогнуло. Он понял, что не один. И это было самое важное.

Через полчаса в столовой собрались почти все старики, кто мог передвигаться самостоятельно. Их было двенадцать человек. Баба Нюра, Иван Петрович, Пётр Ильич, ещё несколько женщин и мужчин. Они сидели за столами, смотрели на Семёна и ждали. Семён стоял перед ними, огромный, спокойный.

— Спасибо, что пришли, — начал он. — Я знаю, что вы напуганы. Я знаю, что вы не просили об этом. Но беда пришла в наш дом. И мы должны её встретить.

— Что мы можем сделать, Семёнушка? — спросила баба Нюра. — Мы же старые. Слабые.

— Вы не слабые, — сказал Семён. — Вы просто старые. А это разные вещи. И я расскажу вам, что мы будем делать.

Он развернул на столе старую карту здания, которую нашёл в кабинете директрисы. Карта была выцветшая, с потёртыми краями, но на ней были видны все коридоры, палаты, подсобные помещения.

— Вот здесь главный вход, — сказал Семён, показывая. — Здесь чёрный ход. Здесь окна первого этажа. Если они придут, они придут через главный вход. Или через чёрный. Или через окна. Наша задача — не пустить их дальше холла.

— Как мы это сделаем? — спросил Иван Петрович.

— Мы забаррикадируем коридоры, — сказал Семён. — Мебелью. Кроватями. Каталками. Всем, что найдём. Мы создадим пробки. Они не смогут пройти быстро. А если не смогут пройти быстро, у нас будет время.

— Время для чего?

— Для того, чтобы Виктор приехал со своими людьми. И для того, чтобы полиция успела.

— А если не успеют?

Семён посмотрел на старика.

— Тогда мы будем драться, — сказал он просто. — Я буду драться. А вы — помогать мне. Чем сможете.

Он раздал задания. Баба Нюра и ещё две женщины должны были собрать всё, что может сгодиться в качестве оружия: швабры, палки от капельниц, металлические лотки, бигуди, шприцы. Иван Петрович и Пётр Ильич должны были вместе с Артёмом и Сергеем перетаскать мебель к коридорам. Остальные должны были оставаться в палатах и не выходить.

— И ещё одно, — сказал Семён. — Если что-то пойдёт не так. Если вы услышите, что я... что меня... — он замолчал, подбирая слова. — В общем, если всё будет плохо, не выходите. Сидите тихо. Полиция приедет. Виктор приедет. Вас спасут.

— А ты? — спросила баба Нюра.

— А я сделаю всё, что смогу, — ответил Семён. — Обещаю.

Старики разошлись. Они двигались медленно, но с ка-

кой-то новой, непривычной целеустремлённостью. Семён смотрел на них и чувствовал, как в его груди растёт что-то тёплое. Эти люди, которых он привык опекать, которых он считал беспомощными, оказались сильнее, чем он думал. Они не сдались. Они готовы были бороться.

Он вышел в холл. Артём и Сергей уже тащили к главному входу тяжёлый дубовый стол из библиотеки. Семён присоединился к ним. Втроём они перегородили вход, поставив стол поперёк двери. Сверху навалили стулья, кресло-каталку, несколько одеял.

— Это их задержит, — сказал Артём, вытирая пот со лба.
— Ненадолго.

— Нам хватит, — ответил Семён.

Он прошёл по коридору, проверяя баррикады. У чёрного хода они поставили старый шкаф, доверху набитый матрасами. У окон первого этажа — каталки и стулья. Каждый вход был перекрыт. Каждый проход был завален.

В процедурной Семён остановился. Он открыл шкаф с медикаментами и посмотрел на полки. Шприцы, бинты, скальпели, ампулы. Он взял несколько шприцев, самых больших, и положил их в карман халата. Потом взял бинты и обмотал ими кулаки. Не для удара. Для того, чтобы не разбить костяшки. Он знал, что они ему ещё понадобятся.

В кладовой он снова посмотрел на кислородные баллоны. Тяжёлые, стальные, с вентилями. Он взвесил один в руке. Баллон был тяжёлый, но Семён мог его поднять. Он мог его

бросить. Или использовать как таран. Он поставил баллон у двери, чтобы был под рукой.

Время шло. Часы в коридоре показывали полдень. Потом час дня. Потом два. Семён ходил по зданию, проверяя посты. Старики сидели в палатах, тихие, испуганные, но не паниковали. Они верили ему. И эта вера была тяжелее любого груза.

В три часа дня у ворот пансионата остановилась ещё одна машина. Не чёрная. Серая, старая, с помятым крылом. Из неё вышел мужчина. Семён узнал его сразу. Виктор. Бывший тренер. Человек, который когда-то сделал из него чемпионом. Виктор был старше Семёна на двадцать лет. Ему было за шестьдесят, но он всё ещё выглядел крепким. Седые волосы, короткая бородка, глаза, которые видели слишком много.

Семён вышел на крыльцо. Виктор подошёл и обнял его. Объятие было крепким, мужским.

— Здорово, Медведь, — сказал Виктор.

— Здорово, — ответил Семён. — Спасибо, что приехал.

— Я же обещал. — Виктор отстранился и посмотрел на пансионат. — Хорошее место. Тихое.

— Было тихое.

— Ничего. Сделаем снова тихим.

Виктор обернулся к машине и махнул рукой. Из неё вышли ещё двое. Мужчины. Один — высокий, худой, с длинными волосами, собранными в хвост. Второй — коренастый, лысый, с татуировками на шее. Оба были одеты в спортивные куртки и джинсы. Оба двигались уверенно, спокойно.

— Это Макс и Коля, — сказал Виктор. — Мои ребята. Бывшие бойцы. Не такие, как ты, но в драке сгодятся.

— Здорово, — сказал Семён, пожимая им руки. Руки были крепкие, мозолистые. Семён почувствовал в них силу. Настоящую силу.

— Сколько у нас времени? — спросил Виктор.

— До шести.

— Значит, три часа. — Виктор посмотрел на здание. — Что уже сделано?

— Баррикады. На всех входах.

— Хорошо. А что с людьми?

— Старики в палатах. Сотрудники со мной.

— Оружие?

— Что нашли. Швабры, лотки, шприцы. Баллоны.

Виктор кивнул. Потом посмотрел на Семёна внимательно.

— Ты готов? По-настоящему готов?

Семён понял, что он имеет в виду. Не баррикады. Не шприцы. Готов ли он снова стать тем, кем был. Готов ли он снова драться. По-настоящему. До конца.

— Готов, — сказал Семён.

Виктор кивнул.

— Тогда идём. Покажешь, что у вас тут.

Они вошли в здание. Виктор и его люди осмотрели баррикады, коридоры, палаты. Макс и Коля молчали, но Семён видел, что они оценивают. По-настоящему оценивают. Как профессионалы.

— Неплохо, — сказал Виктор. — Но есть проблема.

— Какая?

— Если они войдут через главный вход, мы их встретим. Если через чёрный — тоже. Но если они решат зайти с крыши или через подвал?

Семён замер. Об этом он не подумал.

— Подвал, — сказал Иван Петрович, который подошёл к ним, опираясь на палку. — В подвале есть дверь. Старая, но крепкая. Ведёт в котельную. Оттуда можно попасть в здание.

— Покажите, — сказал Виктор.

Они спустились в подвал. Там было темно, сыро, пахло плесенью и мазутом. Иван Петрович провёл их по узкому коридору к железной двери. Дверь была старая, ржавая, но на вид крепкая.

— Заперта? — спросил Виктор.

— Заперта, — ответил Иван Петрович. — Но ключ у Марьи Степановны. Она его хранит.

— Значит, они могут войти, если найдут ключ или сломают дверь, — сказал Макс.

— Могут, — согласился Виктор. — Коля, останешься здесь. Если кто-то попробует войти, ты знаешь, что делать.

Коля кивнул. Он не улыбнулся, не сказал ни слова. Он просто встал у двери, скрестив руки на груди. Семён понял: этот человек сделает то, что нужно. Без колебаний.

Они вернулись наверх. Виктор посмотрел на часы.

— Четыре. У нас два часа. — Он обернулся к Семёну. —

Ты сказал, что у тебя есть старики, которые хотят помочь.

— Есть.

— Собери их. Пусть займут посты у окон. Будут смотреть. Если увидят что-то подозрительное — сообщат.

Семён кивнул. Он пошёл по палатам, собирая тех, кто мог ходить. Баба Нюра, Пётр Ильич, ещё трое. Он расставил их у окон на втором этаже. Дал каждому свисток — старый, из спортивного инвентаря, который нашёл в кладовой.

— Если увидите машины, — сказал он, — свистите. Громко. Понятно?

— Понятно, Семёнушка, — сказала баба Нюра. — Не волнуйся. Мы не подведём.

Семён вернулся в холл. Виктор и Макс стояли у главного входа, глядя на улицу. За окнами было тихо. Деревья качались на ветру. Где-то лаяла собака.

— Семён, — позвал Виктор. — Иди сюда.

Семён подошёл. Виктор смотрел на него с серьёзным лицом.

— Я хочу тебе кое-что сказать. Пока есть время.

— Что?

— Ты сделал правильный выбор. То, что ты делаешь — это правильно. Я горжусь тобой.

Семён молчал. В горле у него встал ком.

— Я помню, как ты ушёл, — продолжил Виктор. — Я не осуждал тебя. Я понимал. После того боя... после того парня... ты не мог иначе. Но я знал, что ты вернёшься. Рано или

поздно. Потому что ты боец. Настоящий боец. А боец не может жить без боя. Он может уйти. Но он не может забыть.

— Я не хотел возвращаться, — сказал Семён тихо. — Я хотел просто жить. Помогать людям.

— Ты и помогаешь, — сказал Виктор. — Ты помогаешь им прямо сейчас. Ты защищаешь их. И это тоже бой. Может быть, самый важный бой в твоей жизни.

Он положил руку на плечо Семёна.

— Что бы ни случилось сегодня, ты должен знать: ты не один. Мы с тобой. До конца.

Семён кивнул. Он не мог говорить. Слова застревали в горле. Он просто смотрел на Виктора и чувствовал, как что-то в его душе, что-то, что он так долго прятал, снова оживает.

В пять часов вечера баба Нюра засвистела. Свисток был пронзительный, резкий. Семён бросился к окну. На дороге, у поворота, показались машины. Три чёрных внедорожника. За ними — микроавтобус. Они ехали медленно, уверенно. Они ехали к пансионату.

— Началось, — сказал Виктор.

Он обернулся к Макс.

— Макс, на второй этаж. Смотри за окнами. Если полезут — встречай.

Макс кивнул и побежал по лестнице. Виктор повернулся к Семёну.

— Ты готов?

Семён сжал кулаки. Бинты на его руках натянулись. Он

чувствовал, как кровь быстрее бежит по венам. Как сердце бьётся сильнее. Как тело наполняется знакомой, давно забытой энергией.

— Готов, — сказал он.

Машины остановились у ворот. Двери открылись. Из них начали выходить люди. Много людей. Семён считал. Один, два, три, четыре, пять... восемь. Восемь человек. Плюс тот, со шрамом. Девять. Они были одеты в чёрное. У некоторых в руках были биты. У одного — что-то похожее на лом. Они стояли у ворот и смотрели на пансионат.

Мужчина со шрамом вышел вперёд. Он посмотрел на здание. Потом посмотрел на часы. Потом крикнул:

— Время вышло! Выходите все! Немедленно!

Семён не двинулся. Он стоял за баррикадой у главного входа. Виктор стоял рядом. Они молчали.

Мужчина со шрамом подождал. Потом вздохнул. Потом махнул рукой.

— Взять их.

Люди в чёрном двинулись вперёд. Они шли медленно, уверенно, не торопясь. Они знали, что у них преимущество. Они знали, что за баррикадами — старики и несколько санитаров. Они не боялись.

Они подошли к воротам. Один из них, тот, что с ломом, ударил по замку. Замок не поддался. Он ударил снова. Потом ещё раз. Металл зазвенел, брызнули искры.

— Отойди, — сказал мужчина со шрамом.

Он подошёл к воротам, взялся за прутья и, напрягшись, начал раздвигать их. Металл заскрипел. Мышцы на его руках вздулись. Семён смотрел и понимал: этот человек очень силён. Очень.

Ворота поддались. Путь разошлись, образовав проход. Люди в чёрном хлынули во двор. Они шли к главному входу. К баррикаде. К Семёну.

Семён стоял и ждал. Его руки были опущены. Дыхание ровное. В голове — тишина. Он больше не думал. Он просто ждал. Как когда-то на ринге. Когда всё решали секунды. Когда нужно было действовать, а не размышлять.

Люди в чёрном подошли к крыльцу. Остановились. Один из них, тот, что с ломом, поднял лом и ударил по двери. Дверь задрожала. Баррикада за ней зашаталась, но устояла. — Ломай! — крикнул кто-то.

Лом снова взметнулся. Ударил. Ещё раз. Ещё. Дерево трещало. Стулья ломались. Но баррикада держалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.